

Кривенко В.С. По Дагестану: Путевые заметки // Русский вестник. 1896. № 2–4.

Саидов М.-С. Аварско-русский словарь. М., 1967.

Самурский Н. (Эфендиев). Дагестан. М.; Л., 1925.

Самурский Н. (Эфендиев). Итоги и перспективы Советской власти в Дагестане. Махач-Кала, 1927.

Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махач-Кала, 1927.

А.К. Касаткина

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ В ПОЛЕ (заметки к программе полевого исследования)

Проблема атрибуции коллекций актуальна для любого музея, где имеются предметные или иллюстративные собрания, поступившие в эпоху, когда представления о задачах и принципах сбора научного материала отличались от современных. Исследователи, работающие в этой сфере, справедливо отмечают, что для раскрытия информационного потенциала старых коллекций необходимо тщательное сопоставление разных видов источников: музейных собраний, архивных документов, записок современников, более поздних монографий (см. например: [Прищепова 2011: 216]). Здесь я бы хотела сказать несколько слов о перспективах, которые открывает включение в список этих источников современных полевых материалов, и представить краткий набросок программы собственного полевого исследования, сфокусированного на музейных коллекциях (прежде всего фотографиях), которое я намерена провести летом 2012 г.

Попытки вывезти музейные фотографии в поле, где они когда-то были сделаны, антропологи предпринимают на протяжении последних нескольких десятилетий ([Binney & Chaplin 1991; Scherer 2003] и многие другие). В результате действительно удается идентифицировать изображенных людей, предметы, события, послужившие поводом для фотографирования. Важной частью некоторых таких проектов является «возвращение» (*repatriation*) исторических знаний, в том числе фотографий, составляющих культурное или семейное наследие потомков

изображенных на них людей, как, например, в проекте МАЭ РАН и Смитсоновского института в США по чукотским фотографиям А. Форштейна [Крупник, Михайлова 2006].

Если главной задачей является атрибуция изображений, то фотография выступает в роли объекта исследования, но чаще музейные фотографии в поле используются в качестве инструментов, помогая исследователю получать новую информацию о разных сферах жизни изучаемого общества, таких как изменения в культуре и отношении к ним, семья, статусная иерархия, ценности, идентичность, визуальная культура [Helm 1981; Bravman 1990; Edwards 2001: 83–105]. То же самое относится и к музейным предметам, которые могут рассматриваться либо как герметичные источники информации о своей эпохе, «читаемые» только при помощи других этнографических источников, либо как носители памяти и триггеры значений, связанных с памятью и прошлым. Именно второй подход становится актуальным для полевого исследователя, ведь современный устный источник способен дать информацию только о том, как тот или иной предмет функционирует в культуре на данный момент, в том числе в качестве триггера, вызывающего воспоминания о прошлом.

Размышляя о природе музейных предметов, финский антрополог Э.-М. Котилайнен пишет, что, будучи безвозвратно отделенными от породившей их среды, они, тем не менее, продолжают «жить», т.е. функционировать в качестве носителей значений [Kotilainen 1992: 37]. У фотографии это свойство выражено еще ярче за счет перенасыщенности фотоизображения, представляющего собой фрагмент действительности, возможными смыслами. Британский антрополог Э. Эдвардс определяет фотографии как «сырые истории» (*raw histories*) — зафиксированные фрагменты реальности, открытые всевозможным интерпретациям [Edwards 2001: 5]. Эдвардс останавливается на важном для исследователя различии между функционированием фотографий в «приватном» (внутри той среды, где они были созданы, например в семейном кругу) и «публичном» (в иной среде) контекстах. Если в первом случае фотография — это прежде всего носитель значений, связанных с личной или семейной памятью и определенными личностями и событиями, то «публичная» фотография в музее или архиве открыта бесконечному количеству интерпретаций, в том числе символических и метафорических, представляет скорее обобщенные типы (особенно фотография этнографическая) и обращается к коллективной исторической памяти [Edwards 2001: 9]. «Приватная» информация о «публичной» фотографии полезна антропологу или музейщику для атрибуции снимка, восстановления его

культурного контекста, как, например, в случаях, описанных в: [Прищепова 2011: 231–236] или [Крупник, Михайлова 2006].

Мой полевой проект посвящен прежде всего атрибуции фотографий, сделанных немецким путешественником и фотографом Альбертом Грубауэром в Британском Северном Борнео (современный штат Сабах, Малайзия) и поступивших в МАЭ в 1914 г. (№ 2344, 109 фотоотпечатков¹). Сведений о биографии и деятельности Грубауэра пока удалось найти мало, о его поездке на Северный Борнео известно только, что она состоялась между 1900 и 1911 г. Единственным источником информации об этой экспедиции остаются привезенные им коллекции.

Грубауэр привез из Сабаха не только фотографии, но и этнографические предметы, которые он продал в разные музеи Европы, в том числе около 500² предметов — в МАЭ (коллекция 2286). К каждой фотографии Грубауэр оставил подпись на немецком языке, которая сообщает, где был сделан снимок, к какому народу он имеет отношение, что именно изображено. Предметы поступили в МАЭ вместе с двумя немецкоязычными списками, в которых указаны местность и народ, с которыми связан предмет, и его местное название. На этой основе сотрудниками МАЭ³ и была составлена их опись. Этой информации недостаточно для полноценной атрибуции ни фотографий, ни предметов: требуются более детальные пояснения, не говоря уже о том, что географические названия, видимо, были записаны собирателем на слух (и к тому же от руки) и потому не всегда правильно, и некоторые из них пока вовсе не удалось найти на карте. Местные названия предметов тоже нуждаются в уточнении: в современной записи они часто выглядят совершенно иначе, нежели в записи Грубауэра в начале XX в.

Документы к коллекциям Грубауэра из Северного Борнео, которые хранятся в других музеях Европы (мне удалось получить доступ к коллекциям этнологических музеев Кёльна, Дрездена, Вены⁴), отличаются точно таким же лаконизмом и трудностями расшифровки, но содержат

---

¹ Подробнее о Грубауэре и его фотографиях из Северного Борнео см: [Касаткина 2010].

² В описи коллекции 2286 оказывается, по разным версиям, то 578 (опись, подготовлена Е.С. Соболевой после перерегистрации), то 507 (более ранние материалы к описи) предметов при количестве номеров 411. Это зависит от того, по какому принципу выделяются единицы хранения.

³ Над описанием коллекции 2286 работали Р.Ф. Бартон, В.Г. Трисман, завершить эту задачу удалось Е.С. Соболевой в 1979 г.

⁴ Выражаю огромную благодарность за помощь сотрудникам этих музеев Маргит Заре Крпата (Кёльн), Петре Мартин (Дрезден) и Кристине Закель (Вена).

и новую информацию, которая позволяет уточнить маршрут экспедиции Грубауэра и дополнить атрибуцию его фотографий и предметов, хранящихся в МАЭ. Все коллекции, привезенные Грубауэром с Северного Борнео, следует, несомненно, рассматривать как единый корпус материалов.

Насколько мне известно, единственная на сегодняшний день комментированная публикация коллекций Грубауэра из Сабаха — это каталог Дрезденского музея этнологии [Schätze 2006], где опубликованы три фотографии и 21 предмет этого собирателя (фото с краткой аннотацией). Автор публикации П. Мартин опиралась на книги и статьи по истории и культуре региона, и ее реконструкция маршрута путешественника, на мой взгляд, небесспорна.

Дополнительными источниками для атрибуции коллекций из Сабаха начала XX в. являются опубликованные записки людей, служивших в этом регионе приблизительно в тот же период (например, [Evans 1922]), а также более поздние исследования историков и антропологов⁵. Надо сказать, однако, что Сабах и сейчас остается сравнительно малоизученным регионом, ведь европейцы появились в этой части острова Калимантан только в первой половине XIX в., а к активному освоению внутренних земель приступили лишь к концу XIX в. Когда в июле 2010 г. на конференции Исследовательского совета Борнео я рассказала о коллекциях из Сабаха, хранящихся в петербургской Кунсткамере, присутствовавшие там специалисты по этому региону очень заинтересовались ими и сообщили, что материальных и визуальных свидетельств культуры народов Сабаха начала XX в. сохранилось не так уж много. В таких условиях представляется целесообразным использовать в качестве дополнительного источника для атрибуции иллюстративных и предметных коллекций Грубауэра начала XX в. результаты полевой работы в современном Сабахе, в тех местах, откуда немецкий путешественник когда-то их привез. Мне думается, впрочем, что полевая работа может быть более эффективна для атрибуции фотографий, чем предметов, в силу многозначности и информационной насыщенности этого вида материала. Для атрибуции предметных коллекций больше пользы, вероятно, принесут книги и архивные материалы. Поэтому я в своей работе намерена сосредоточиться в первую очередь на фотографиях Грубауэра.

Во время пробной поездки в Сабах летом 2010 г. я посетила ближайшие к столице штата Кота-Кинабалу точки маршрута Грубауэра — ду-

---

⁵ Библиография работ по лингвистике и антропологии, посвященных Сабаху: [Indigenous groups 2008].

сунские деревни Бунду-Тухан и Киау — и попробовала показать там копии музейных фотографий и снимки некоторых предметов, которые были у меня с собой. Подробно я изложила этот опыт в одной из своих статей [Касаткина 2011]. Главное, что мне удалось выяснить: память о реалиях начала XX в. все еще жива, а некоторые предметы до сих пор используются в быту. Даже молодые люди 20–30 лет узнавали сельскохозяйственные инструменты, плетеные сумки, заплечные корзины, изображенные на фотографиях, уверенно давали их местные (дусунские) названия и объясняли их назначение. Неожиданным для меня стал интерес к ландшафтам: люди уверенно показывали, какое именно место в их деревне или в окрестностях изображено на фотографии и с какой точки был сделан снимок сто лет назад.

Особенную ценность для подготовки будущего полевого исследования представляют возникшие противоречия, которые напоминают о необходимости соблюдать большую осторожность в работе с устными источниками. Так, в интерпретации изображений некоторые люди руководствовались сложившимися стереотипами и, например, принимали А. Грубауэра, сфотографировавшегося на вершине горы Кинабалу, за Х. Лоу, первого европейца, покорившего эту гору за полвека до немецкого путешественника. Пещеру на пути к вершине на снимке № 2344-101 все, с кем я говорила, уверенно идентифицировали как пещеру Пака, где те, кто поднимается на гору Кинабалу, делают последний привал. Только эксперт по локальной истории из Киау сказал, что это, скорее всего, пещера Лубонг, которая служила местом для привала в начале XX в., когда для восхождения использовался другой маршрут, начинавшийся в Киау.

Живая культура никогда не пребывает в неизменном состоянии, а культура народов Сабаха за последние сто лет претерпела особенно значительные изменения благодаря христианизации, во внутренних районах штата начавшейся в 1920-е годы, и вестернизации (в последнее время — глобализации), которая усиливалась с развитием местной инфраструктуры. Материалы, собранные Грубауэром, свидетельствуют о реалиях, о которых современные носители этих культур могут уже ничего не знать. Например, никто из тех, с кем я разговаривала, не смог определить назначение предмета под номером 2286-215 из Бунду-Тухан, который сам Грубауэр описывает как «сосудик для губного воска». И. Эванс, работавший приблизительно в тот же период в районе неподалеку (Туаран, Темпассук), описывает в своей книге очень похожий элемент костюма и сообщает, что в этом конусообразном сосудике дусунские «денди» хранили воск для ухода за усами [Evans 1922: 89].

Когда я рассказала об этом женщине примерно 35 лет из деревни Киау, расположенной всего в нескольких километрах от Бунду-Тухан, она усмехнулась и уверенно заявила, что это невозможно, ведь дусунские мужчины не носят усов. Это лишь одна из многих загадок, на которые хотелось бы найти ответ в предстоящей поездке в поле. Тем более актуальной представляется последующая публикация результатов этого исследования в Сабахе с целью «возвращения» знаний о локальном прошлом. Начало уже положено: на общем празднике деревень, расположенных у вершины Кинабалу, который состоялся в парке у подножия священной для местных жителей горы 2 и 3 декабря 2011 г., были выставлены фотографии Грубауэра из Киау и Бунду-Тухан, предоставленные МАЭ РАН специально для этой цели. Люди смогли посмотреть, как жили их недавние предки, возможно, даже увидеть лица своих родственников. К сожалению, у меня не было возможности присутствовать на этом празднике, но я надеюсь услышать отзывы о выставке во время полевой работы летом.

Как я отмечала выше, старинные фотографии и предметы, помещенные в современный контекст, способны дать самую разнообразную информацию, прежде всего выявить состояние памяти людей о своем прошлом и их отношение к нему. Вопрос отношения жителей Сабаха к своему дохристианскому прошлому представляет особый интерес, ведь они, будучи христианами, постоянно имеют дело с туристами, которых интересует прежде всего местная «экзотика», и кроме того живут в стране, где наибольшим культурным и политическим капиталом обладает ислам. В ходе полевой работы я надеюсь при помощи коллекций МАЭ собрать данные и по этой проблематике.

Очевидно, что для атрибуции фотографий или предметов комментарии, полученные в современном поле, могут служить лишь одним из источников, который нуждается в проверке и сопоставлении с другими данными. Помимо всего перечисленного существенную помощь и в атрибуции, и в расшифровке неясных топонимов должны оказать консультации с сотрудниками музея Сабаха в Кота-Кинабалу.

К сожалению, доступные средства едва ли позволят в этом году провести в поле больше трех недель, поэтому полевую работу придется разбить на несколько этапов, из которых первый, подготовительный, уже проведен в 2010 г. Из соображений экономии времени и средств необходимо тщательно отобрать места, которые следует посетить, и продумать план работы. Понятно, что это должны быть точки маршрута Грубауэра, однако надо сказать, что географическая принадлежность привезенных им коллекций представляется не самым надежным ориентиром для

определения этого маршрута, хотя пока, увы, единственным. Главный критерий отбора, который я предлагаю для первого этапа, — это уверенность определения топонима. Вторым критерий, гораздо менее надежный, — это количество привезенных фотографий или предметов. С одной стороны, это дает шанс получить больше информации, с другой стороны, даже одна фотография или предмет могут вывести на интересный сюжет. Исходя из этих двух критериев я полагаю, что маршрут первого этапа экспедиции в 2012 г. при максимально благоприятной длительности в три недели может выглядеть так:

1-я неделя — улаживание бюрократических формальностей, работа в музее Сабаха;

3 дня — Киау (горные дусуны);

3 дня — Бунду-Тухан (горные дусуны);

3 дня — Папар (прибрежные кадан-дусуны);

2 дня — Гадонг (бисайя);

2 дня — Менумбок (бисайя).

Таким образом, будет отчасти обследована северная и лучше всего описанная в литературе часть маршрута Грубауэра и заложена основа для последующего посещения западных районов. Необходимо также уточнить топонимы, которые предположительно расположены в южной и восточной частях штата. Возможен, правда, и альтернативный вариант маршрута, исходящий из соображений логистического удобства. Можно все выделенное время провести у горных дусунов, живущих вокруг вершины Кинабалу (районы Ранау, Кота-Белуд, Кота-Маруду, Лабук и Сугут), надеясь уточнить в ходе работы неясные топонимы и побывать в этих деревнях. Так или иначе, представляется необходимым совершить хотя бы очень короткие пробные поездки в Папар и к бисайя, чтобы иметь основу для подготовки следующего этапа полевой работы.

Меня будут интересовать прежде всего фотографии, и я возьму с собой распечатки всех снимков коллекции 2344 на листах формата А4 с большим количеством свободного места для записей. По возможности я распечатаю и фотографии предметов коллекции 2286⁶, но для первого этапа полевой работы отберу только определенные классы предметов, исключив все, что относится к охоте, рыболовству, ткачеству и музыке (около 50 единиц), так как их изучение требует специальных технологических познаний, приобрести которые у меня не будет времени. Как и во время подготовительной поездки, я буду показывать распечатки инфор-

---

⁶ К сожалению, на данный момент не все предметы этой коллекции доступны для фотографирования в фондах МАЭ.

мантам разных возрастов в надежде получить разнообразные ответы из разных пластов культурного знания. Поскольку на первом месте среди моих исследовательских задач стоит атрибуция, я буду искать прежде всего пожилых людей, которые могут узнать какие-то детали на фотоснимке⁷, а также людей с репутацией экспертов по локальной истории, но при этом расспрашивать их и об источниках их знаний, ведь они, как нередко теперь бывает, могут черпать свои ответы из тех же книг, к которым обращаюсь я. В поиске информантов, особенно на западе штата, где мне еще не приходилось бывать, я рассчитываю на помощь сотрудников музея Сабаха.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о пределе информационного насыщения в атрибуции фотоснимка или предмета. В данном случае, когда источников мало и они склонны противоречить друг другу, я бы дала на него простой ответ: чем больше информации, тем лучше.

Музейные фотографии и предметы станут прежде всего объектом предстоящего полевого исследования, и только во вторую очередь — инструментом получения новой информации. Я надеюсь, что такой подход поможет установить с информантами отношения сотрудничества, так что мне вместе с ними удастся поразмышлять над историей их культуры. Важно при этом воспринимать их высказывания лишь как еще один источник информации, но не окончательную истину.

Библиография

Касаткина А.К. Северный Борнео в фотографиях Альберта Грубауэра // Радловский сборник. СПб., 2010. С. 130–135.

Касаткина А.К. Музейные фотографии как инструмент полевой работы: краткий опыт использования // Полевые исследования МАЭ РАН. СПб., 2011. Вып. 11.

Крупник И.И., Михайлова Е.А. Пейзаж, лица и истории: эскимосские фотографии Александра Форштейна (1927–1929 гг.) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 188–219.

Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб., 2011.

Binney J. & Chaplin G. Taking the Photographs Home: The Recovery of a Maori History // Visual Anthropology. 1991. Vol. 4. No 3–4. P. 431–442.

Bravman B. Using of Old Photographs in Interview: Some Cautionary Notes about Silences in Fieldwork // History in Africa. 1990. Vol. 17. P. 327–334.

---

⁷ Вероятность, что еще живы люди, способные узнать лица на портретах, сделанных Грубауэром более 100 лет назад, очень мала. Тем не менее вполне могут быть живы те, кто помнит географические объекты и предметы старого быта.

Edwards E. The Raw Histories: Photographs, Anthropology and Museums. Oxford; N.Y., 2001.

Evans I.H.N. Among Primitive Peoples in Borneo. L., 1922.

Helm J. Dogrib folk history and the photographs of John Alden Mason: Indian occupation and status in the Fur trade, 1900–1925 // Arctic Anthropology. 1981. Vol. 18. No 2. P. 43–58.

Indigenous Groups of Sabah: An Annotated Bibliography of Linguistic and Anthropological Sources / Comp. by H.J.B. Combrink, C. Soderberg, M.E. Boutin, A.Y. Boutin. SIL International, 2008.

Kotilainen E.-M. «When the Bones are Left»: A Study of the Material Culture of Central Sulawesi. Helsinki, 1992. (The Finnish Anthropological Society Transactions. No 31).

Schätze aus Indonesien und der Südsee. Ausstellung der Museums für Völkerkunde Dresden. Dresden, 2006.

Scherer J. Ethnographic Photography in Anthropological Research // Principles of Visual Anthropology / Ed. by P. Hocking. Mouton de Gruyter. Berlin; N.Y., 2003. P. 201–216.

А.А. Новик

**БАБИН ДЕНЬ А БАБОС ДИТА (A BAVOS DITA)
В ТРАДИЦИИ АЛБАНЦЕВ УКРАИНЫ:
1940–1950-е годы
(материалы экспедиций в Приазовье)**

С определением даты этого праздника, отмечавшегося в албанских селах Приазовья до 1970-х годов, нынешние информанты путаются. Хорошо фиксируется в их памяти тот факт, что праздник проводился в январе, а день недели менялся. Отмечали его 21 января. В этот день в доме одной из жительниц села собирались другие женщины и отмечали свой праздник — *А бабос дита*. Его название связано с именем главного персонажа — самой главной и старшей женщины, которую на говоре называли *бабо* (babo).

Праздничные мероприятия продолжались два дня.

Важно, что нынешние информанты дают разные сведения об участниках таких праздников, т.е. многими из них забыты цели и задачи отмечавшегося дня. Так, большая часть информантов рассказывает о том,